

Реплика

Павел Тюрин

О МОТИВАЦИИ ОБРАЩЕНИЯ К РЕЛИГИИ ОСУЖДЕННЫХ НА ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ: БЕГСТВО ОТ УЖАСА «АТЕИСТИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ» К РЕЛИГИОЗНОМУ СОЗНАНИЮ*

Пожалуй, наиболее проблематичным в *пенитенциарной* психологии остается вопрос, насколько реальны социальная реабилитация и исправление преступников, совершивших тяжкие насильственные действия, и что может побудить убийцу к покаянию [1]. Сопутствующим этой теме является вопрос, почему многие преступники, осужденные за убийства и приговоренные к высшей мере наказания – пожизненному заключению, начинают говорить о Боге и обращаются к религии. Разные заключенные разными путями приходят к вере: одни ищут в ней утешение, обретение смысла жизни, оправдание своих действий (мол, всё в руках Божьих); другие, подражая авторитетам, реализуют потребность в ритуалах, чтобы разнообразить монотонность тюремной жизни; кто-то же просто желает подстраховаться на будущее (имеется в виду аргумент Б. Паскаля о том, что даже если Бога нет в действительности, верующий как минимум ничего не теряет, а если есть – крупно выигрывает) и т.д. Однако осуждают себя и искренне раскаиваются в своих злых деяниях очень немногие, поэтому криминальные психологи считают, что необходимо различать приход к вере по тем или иным причинам и собственно раскаяние как признание греховности своей жизни без Бога.

Имеющаяся обширная литература, изучающая вопрос, насколько религия способна предотвратить преступные намерения человека, фокусируется вокруг двух полярных точек зрения. В основе первой лежит высказывание Ф.М. Достоевского: *«Если Бога нет, все позволено»*** , пото-

* По материалам доклада на 72-й теологической конференции «Диалог науки и религии» в Латвийском университете (2014 г.).

** Эту фразу, приписываемую Ф.М. Достоевскому, обычно связывают с его романом «Братья Карамазовы». Представляет собой краткое изложение взглядов Ивана Карамазова. Точной цитатой не является и как единая фраза в указанном романе, да и в других произведениях Ф.М. Достоевского, отсутствует. – *Ред.*

му что только страх неизбежности возмездия, исходящего от высшей силы, может удержать человека от исполнения преступных намерений.

Однако критики такого подхода приводят огромное количество примеров того, что вера в Бога нисколько не удерживала человека от антигуманных насильственных действий – ни в давнем прошлом, ни сегодня, причем независимо от типа его религиозных представлений. По мнению физика, лауреата Нобелевской премии Стивена Вайнберга, «с религией или без нее хорошие люди будут делать добро, и плохие люди будут делать зло. Но чтобы заставить хорошего человека делать зло – для этого необходима религия». Подтверждением этих слов является то, что, совершая насилие, верующие могут воспринимать себя в качестве инструмента исполнения воли их божества, оправдывая тем самым злые деяния, и декларируют свою веру в качестве легитимизации самых ужасных действий.

Более того, преступников, считающих себя верующими людьми, может успокаивать евангельское: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить», поскольку смерть тела не есть окончательная смерть человека. Поскольку большинство людей инстинктивно воспринимают убийство как нечто противоестественное, то для того, чтобы стать способными к этому, им необходимо иметь идеологическое или мистическое его оправдание.

Противоположным тезису Ф.М. Достоевского стала инверсия этого знаменитого высказывания – «Если Бога нет, то все запрещено», поскольку, по мнению психоаналитика Ж. Лакана, любое действие человека без санкционирующей на то инстанции не имеет оправдания. Однако криминальная практика свидетельствует, что человек редко испытывает нужду в подтверждении правомерности своих действий и не намерен держать перед кем-либо за них ответ, тем более, если он неверующий. Человек всегда сам их автор и последняя инстанция [2].

* * *

Изучая истории преступников, приговоренных к пожизненному заключению, всякий раз удивляешься, что многие из них говорят о том, что в тюрьме пришли к вере в Бога. Удивление вызывает само появление в их сознании мыслей о вере, покаянии, искуплении, прощении и пр., ведь кажется, что в их душах неоткуда взяться человеческим чувствам, и потому их обращение к вере воспринимается как нечто, им не свойственное. И зачем таким людям после совершенных страшных преступлений вдруг «понадобился» Бог? Тогда не ведали, что творят, а сейчас стали «ведать»?! Бессознательно почуяли, что чудовищность того, что сделали, не может остаться без ответного действия, что ужас жертв отзовется эхом в них самих? Может быть, осознали греховность и катастрофичность содеянного? Или испугались наказания на Страшном суде и в расчете на избавление от вечных мук пытаются вымолить прощение у Создателя?

Исследования в американских и канадских тюрьмах показали, что среди заключенных больше верующих, чем атеистов. Данные Федерального тюремного бюро США (U.S. Federal Bureau of Prisons) 1997 года выявили, что 75% заключенных – христиане; заключенные, не относящиеся

ни к какой религиозной конфессии, составляют лишь одну десятую процента от всех осужденных [3; 4]. Аналогичные данные были получены и при анкетировании в тюрьмах России в 2007 году: более 80% заключенных считают себя верующими [5, с. 357–372]. Это означает, что вера не является непреодолимым барьером для совершения преступлений, но, по-видимому, успокаивает муки, испытываемые заключенными, когда они начинают переосмысливать представления о себе.

* * *

Убийство, совершенное атеистом, категорически необратимо: никто и ничто не может повернуть события вспять и вернуть к жизни убитого им человека, как бы убийца потом ни раскаивался и ни переосмысливал свой ужасный поступок. Осознание случившейся трагедии прямо указывает человеку на его бессилие и беспомощность перед лицом неизменных законов, совершенно безразличных к его последующим переживаниям [6]. Понимание того, что зло, совершенное им, имеет необратимый и катастрофический результат, что изменить (воскресить) то, что он уничтожил, абсолютно невозможно, может заставить его по-новому взглянуть на свою диспозицию в мире.

В условиях принудительной жизни в тюрьме, в информационном дефиците и бесперспективности не только тело испытывает неудобства, но и душа оказывается в «тюремном заключении» событий, которые привели ее к изоляции от общения с кем-либо. Условия эти неизменны и не зависят от поведения заключенного, и он погружается в мир внутренних переживаний. Согласно исследованиям В.С. Мухиной, память концентрируется на страшном преступлении, которое привело осужденного в узы, постоянно возвращает его к аффективным переживаниям и мысленному общению с жертвой. Со временем осужденный начинает испытывать мучительный «эффект застывшего стресса» – ужас перед содеянным в прошлом и ужас предстоящего пожизненного существования в тюрьме [7, с. 171]. Все начинается в условиях неблагополучной, асоциальной семьи. В.С. Мухина писала: «Нередко даже те, кто сопротивляется давлению дефектной семейной традиции, не справляются со сформировавшимся у них застывшим стрессом от негативных, разрушающих личность влияний семьи» [8, с. 344].

Я готов выразить согласие с мнением В.С. Мухиной, которая на протяжении многих лет работала и продолжает работать с пожизненно осужденными. Она показала, что «выраженный аффект, переживаемый в результате осуждения и наказания, длится годами, а по прошествии многих лет этот аффект явно трансформирует личность преступника так называемым *застывшим стрессом*» [Там же, с. 398].

По мнению американского психолога И. Ялома, аффективные переживания становятся для человека специфической формой экзистенциальной шоковой терапии, вызывая «пробуждающее переживание» [9, с. 4]. Условия, в которых он оказался, становятся для него колоссальным шоком, и рано или поздно человек начинает переоценивать причины и мотивы случившегося, но даже если он искренне сожалеет о совершенном убийстве, то понимает, что сделать уже ничего не может. Мысль о невозможности

вернуть к жизни того, кого он уничтожил, приводит его к осознанию собственного бессилия и ничтожности. Именно это становится неопровержимым знаком его греховности и ничтожности претензий как демиурга, что законы мира выше его понимания и что он не в силах изменить случившееся. Со временем эти душевные страдания становятся настолько мучительными, что он ищет любую возможность смягчить их хотя бы в ментальном плане, чтобы почувствовать себя психологически защищенным [10]. Давно известно, что содеянное зло внутренне меняет человека и причиняет зло ему самому так, что он сам становится жертвой своего преступления.

Некоторые после совершенного убийства долгое время находятся в состоянии шокового недоумения и самоотчуждения («Как я мог такое совершить?!»), стремятся откреститься, внутренне отречься от своего злодеяния («Это был не я!»), но в конце концов вынуждены признать себя теперь уже в новом качестве – убийцы. Жизнь под знаком непоправимой беды, с ними случившейся, становится их доминирующим психотравмирующим состоянием, обессиливая и опустошая личность. Острый психологический дискомфорт, депрессия, безотчетная тревога, чувство безысходности, подавленности и брошенности, полной пустоты вокруг... Надеяться больше не на что, и человек обращается к Богу как к своему спасителю. Вот несколько типичных высказываний заключенных о причинах обращения к Богу: «Я уверовал, чтобы отдать долг»; «Стал верить в Бога в надежде, что Он даст мне другую жизнь, потому что на небесах всё будет по-другому и там начнется настоящая жизнь»; «Бог для меня – “внутренний” слушатель, которому можно рассказать печальную историю жизни. Он поймет меня, и это принесет мне облегчение. Он не поступит со мной так, как я поступил, и обязательно помилует»; «Хотел бы, чтобы мои органы – сердце, почки... – были использованы для спасения чьей-либо жизни. Сердце же не виновато в том, что я сделал»; «Жизнь моя закончилась вместе со смертью человека, которого я убил, и он стал для меня единственным зеркалом, в которое мне дано смотреть. Неужели только так и никак иначе?! Это невозможно перенести» [11–13].

На фоне этих душевных переживаний собственной беспомощности у неверующего преступника возникает потребность избавиться от сильнейшего стресса; как выразился один тюремный психолог, «его мысли выжгут его изнутри». И если переживания достигают критического уровня, но дело не доходит до суицида, то не остается иного пути, как только «перформатировать» свое «атеистическое преступление» в «религиозное преступление», то есть признавая содеянное как преступление и вину против Бога, для Которого нет ничего невозможного. За этим закономерно следуют покаяние и мольба о помиловании.

В обращении к Богу живет надежда на прощение, которого он не получил и не может получить от близких жертвы. Люди не в состоянии простить палача, то есть изменить к нему свое отношение, не изменив своего отношения к его жертве, то есть обесценив ценность жизни дорогого им человека. Только возвращение к жизни человека, его воскрешение (что посылно одному Богу) может их успокоить. Поверив Богу и раскаявшись, убийца рассчитывает облегчить душу сознанием, что совершенное им преступление против жертвы отменяется ее воскрешением на небесах.

В экзистенциальном вакууме вера в Бога становится ожиданием смерти как условия перерождения: «Стал верить в Бога, в надежде, что Он даст мне другую жизнь, потому что на Небесах все будет по-другому и там начнется настоящая жизнь».

В.С. Мухина исследовала феномен «тяги к Богу» тяжких преступников, анализируя их прилоги, помыслы и преступления [7, с. 497–526]. Рефлексируя на свои душевные переживания, осужденный пожизненно открывает в себе готовность следовать Господу [Там же, с. 506].

В психологическом плане подобный феномен обращения к Богу следует охарактеризовать как акт отчаяния, толкающий к бегству из внешне и внутренне жестокой ситуации в виртуальный мир, насыщенный аффективными переживаниями. Это означает, что не стремление к добру и Божественной Истине, не поиск *Царства Божия внутри нас* мотивирует их обращение к вере, а экзистенциальный страх их непоправимого преступного соучастия в бытии. Но это же означает, что вопрос о том, насколько вера такого происхождения соотносится с религиозной верой – благоговением и любовью к Богу, остается открытым.

1. *Брейтуэйт Д.* Преступление, стыд и воссоединение. – М., 2002.
2. *Жижек С.* Если бог есть, то все позволено. – <http://liva.com.ua/zizek-religion.html>
3. *Niebuhr G.* Using religion to reform criminals // The New York Times. – <http://www.nytimes.com/1998/01/18/us/using-religion-to-reform-criminals.html?pagewanted=all&src=pm>
4. http://documental.su/our_articles/russia_news/13659-kak-religiya-porozhdaet-prestupnost.html
5. *Зубков А.И., Стурова М.П.* Исправительная (пенитенциарная) педагогика. – Рязань, 1993.
6. *Тюрин П.* Психология между буквой и духом закона (теория и практика юридической психологии). – Рига, 2012.
7. *Мухина В.С.* Отчужденные. Абсолют отчуждения. – Изд. 2-е. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
8. *Мухина В.С.* Отчуждение человекoв в обыденной жизни: монография: в 2 кн. / В.С. Мухина, А.А. Хвостов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2014.
9. *Ялом И.* Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. – М., 2009.
10. *Баканова А.А.* Экзистенциальный кризис и его ресурсы у заключенных // Психология и педагогика в общественной практике. – СПб., 2000.
11. Приговоренные пожизненно. Диалоги с убийцами. – <http://www.youtube.com/watch?v=cIUunuTiiHw>
12. Приговоренные пожизненно. Исповедь приговоренного. – <http://www.youtube.com/watch?v=LAOEsbF25Fs7>
13. Письма заключенных. – <http://www.hramfirsanovka.ru/book/export/html/1281>

